

уроків з поважних причин (із вказуванням хвороб) та інших причин, Пропуски церковних служб.

Відмінності виявляються у наступному. Реальна освіта приділяла багато уваги математичним та природничим предметам. Якщо у класичній різні математичні та один природничий (Алгебра, Геометрія, Тригонометрія, Фізика) предмети представлені в одній графі, а окремо – Арифметика, то у реальній окремо оцінювались Арифметика, Алгебра, Геометрія, Фізика, щоправда, відсутня Тригонометрія. Якщо оцінювались окремо, ймовірно й викладались окремо. До складу реальної освіти додавались ще Креслення та гуманітарний предмет – Есеїстика. Склад класичної освіти включав ще Латину, Філософію, Гігієну і Законознавство. Таким чином, за реальної освіти в окремих графах оцінювались 14 предметів, в класичній – також 14 та інші (Гігієна, Увага, «Прилежаність»). До складу математично-природничих наук реальної освіти (окремо оцінюваних) та за якими оцінювались можливості вступу, входили 4 предмети та Креслення, у класичній – 3 предмети.

Отже, реальна і класична освіти мали спільні предмети, відмінності стосувались складу математично-природничих наук. Висновок цей не новий, але підтверджується навіть такими уривчастими прикладами.

Перелічимо СЕ розглянутих документів: Назва навчального закладу, Назва справи, Крайні дати, Назва документа, Дата події, Прізвище та ім'я, Час і місце народження, Документи (перелік документів, які подаються), Клас, Стан і звання, Походження, Віросповідання, Вид опитування, Результати опитування, Висновок педагогічної ради щодо вступу, Особливості вступу, Дата вступу, Особливості навчання, Назви навчальних предметів, Назви інших (не навчальних) предметів для оцінювання, Пропуски уроків та Причини, Назви навчальних періодів, Назви видів оцінювання. Серед них специфічними для подібних документів є такі СЕ: Назва навчального закладу, Клас, Вид опитування, Результати опитування, Висновок педагогічної ради щодо вступу, Особливості вступу, Дата вступу, Особливості навчання, Назви навчальних предметів, Назви інших (не навчальних) предметів для оцінювання, Назви навчальних періодів, Назви видів оцінювання.

Як пошукові ознаки (у сполученні із іменем особи або відповідними оцінками), перспективними, на наш погляд, є такі СЕ: Назва навчального закладу, Дати, Назви навчальних предметів, Назви інших (не навчальних) предметів для оцінювання, Результати опитування, Висновок педагогічної ради, Особливості вступу, Особливості навчання.

У подальшій перспективі наших досліджень – листування осіб, котрих пов'язували творчі відносини, наприклад, автор музики і виконавець, автор музики і автор слів до пісні.

С. С. Кочережко

ДИСКУССИЯ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ 1960 – 80-х гг. ОБ УРОВНЕ РАЗВИТИЯ СОЗНАНИЯ И ХАРАКТЕРЕ ТРЕБОВАНИЙ КРЕСТЬЯН В ХОДЕ ПУГАЧЁВСКОГО ВОССТАНИЯ 1773 – 1775 гг.

Обращение к истории крестьянского сознания оправдано в наши дни не столько повышенным вниманием к социальной психологии, сколько необходимостью осмысления этой проблемы в свете абсолютно новых методологических подходов в современной исторической науке.

В 1960 – 80-е гг., в связи с некоторым ослаблением цензурно-идеологического нажима на историческую науку, а также повышением интереса как к восстанию Е. Пугачёва, ввиду его 200-летия, так и к проблемам социальной психологии, возникла дискуссия советских историков об уровне развития сознания и характере требований восставших (в первую очередь – крестьянства) в ходе крестьянских войн и особенно – Пугачёвского движения как последней, наиболее масштабной и развитой из них. Именно эта дискуссия является объектом исследования в настоящей статье.

В ходе дискуссии отдельные историки пытались дать «взгляд со стороны», однако были погружены в спор и стремились больше опровергнуть одну из позиций, нежели представить их во всех аспектах. В итоге эта дискуссия не была завершена. Она прервалась с распадом Советского Союза и сменой историографической ситуации. К настоящему моменту не создано специальных исследований, посвящённых этой дискуссии. Попыткой заполнить этот «пробел» в историографии является настоящая статья.

Исторический материализм, тщательность в работе с понятийно-категориальным аппаратом и пристальное внимание к самым вопросам классовой борьбы должны были бы обеспечить единый взгляд советских историков на проблемы крестьянских войн и их идеологические аспекты. Однако, единого взгляда на идеологическую составляющую классовой борьбы (в данном случае – Пугачёвского восстания 1773 – 1775 гг.) в среде советских историков не сложилось. Причинами этому послужили как минимум четыре основных сложности положения советских историков: 1. Нечёткость позиций классиков марксизма-ленинизма в отношении идеологических аспектов классовой борьбы периода феодализма. 2. Двойственность идеологической борьбы. С одной стороны, необходимо было вписать крестьянские восстания в теорию классовой борьбы, что предполагало задачу подчёркивания их значимости в историческом процессе и их прогрессивного развития (нарастания). В этом случае уровень развития идеологии, сознательности и организованности Пугачёвского восстания сравнивается с более ранними крестьянскими войнами и восстаниями, на фоне которых Пугачёвщина выгодно отличается. С другой стороны, необходимо было выделить «классовую ограниченность» крестьянских восстаний и войн, в сравнении с революционным движением пролетариата, руководимого социалистической партией и идеологией марксизма. 3. Сложность и масштабность конкретно-исторического материала, который приходилось вписывать в заданные идеологические шаблоны. 4. Частое кардинальное изменение историографической ситуации, которое вменяло в обязанность историков использовать разные течения в историческом материализме.

1. Тупчієнко-Кади́рова Л. Г. Структурний аналіз інформаційної складової офіційних листів // *Рукописна та книжкова спадщина України: археограф. дослідження унікальних арх. та бібл. фондів*. – К., 2010. – Вип. 14.
2. Тупчієнко-Кади́рова Л. Г. Структурний аналіз інформаційної складової особистих листів // *Наукові праці Національної бібліотеки України ім. В. І. Вернадського*. – К., 2011 [У друці].
3. Державний архів Кіровоградської області (далі – ДАКО). – Ф. 60. – Оп. 1. – Спр. 245.
4. ДАКО. – Ф. 59. – Оп. 1. – Спр. 36.

К исследованию привлечены более 40 работ 28 советских историков. Анализ дискуссии проводился на основе, во-первых, раздробления позиций историков на составные вопросы дискуссии (о соотношении общественной психологии и идеологии, о наличии идеологической борьбы и программы восставших, о характере требований восставших). Во-вторых, выделения двух магистральных точек зрения, высказывавших противоположные позиции по каждому из составных вопросов дискуссии. Так, «максималистская» точка зрения сравнивала идеологию «пугачёвщины» и её саму с предшествующими этапами классовой борьбы и крестьянских войн, поэтому на первый план выдвигала наиболее прогрессивные стороны восстания. «Минималистская» сопоставляла «пугачёвщину» с освободительным движением XIX – начала XX вв., поэтому оценивала восстание 1773 – 1775 гг. как не самый развитый этап классовой борьбы и акцентировала внимание на недостаточности уровня развития восставших.

При выделении двух противопоставленных друг другу точек зрения следует учитывать, что если некоторые историки (меньшая часть) наиболее ярко отражали каждую из них, то значительная часть исследователей, в силу умолчания по поводу ряда аспектов дискуссии и противоречивости собственных позиций, либо тяготеет к одной из точек зрения, либо приводит аргументы одновременно для двух из них (в различных работах, а иногда даже и в одной). Многие историки не заостряли внимание на соотношении понятий «идеология», «общественная психология» и «программа», а использовали их как взаимозаменяемые синонимы, в чём заключается одна из причин путаницы мнений, непоследовательности позиции даже одного конкретного автора по поводу идеологии.

В вопросе об уровне развития общественного сознания восставших существовало две противоположные точки зрения. Первая («максималистская») указывала на наличие идеологии у крестьянства, аргументируя свою позицию тем, что идеология возникает и развивается вместе с общественной психологией [1, 93; 2, 50 – 52] и вырабатывается не только идеологами, но и самим классом. При этом отмечалось, что ко второй половине XVIII в. крестьянство уже консолидировалось и осознало общность своих интересов, поэтому примерами выражения крестьянской идеологии могут служить, к примеру, фольклорные произведения. Они также доказывали, что «отрицание наличия идеологии у феодально-зависимого крестьянства неизбежно приводит к заключению о том, что русское крестьянство будто бы целиком зависело в идеологическом плане от своего классового врага – феодалов». По их мнению, о понятии идеологии не стоит применять завышенных требований, иначе получится, что до марксизма никакой идеологии вообще не было [1, 94; 2, 51; 3, 53 – 54].

Противоположная позиция исходила из неприемлемости признания наличия у крестьян собственной идеологии в эпоху Пугачёвского восстания. Исследователи считали, что идеология возникает позже социальной психологии и является новой стадией развития осознания классовых интересов [4, 37 – 38; 5, 402 – 406]. М. Белявский доказывал, что участники крестьянской войны 1773 – 1775 гг. не смогли осознать общность интересов всего крестьянства и в своих наказах выдвигали собственные узколокальные (местечковые) требования, не поднимаясь «до общекрестьянских требований всей страны» [6, 118]. Поэтому во время Пугачёвского восстания крестьянство обладало лишь социальной психологией, т.е. слабо осознанными «помыслами и чаяниями», некой «аморфной совокупностью идей и настроений» [7, 21 – 23].

Из различных ответов на первый вопрос логично вытекают ответы на два других вопроса дискуссии – о наличии идеологической борьбы между правительственным и повстанческим «лагерями» и «программы» у восставших. Если «максималистская» позиция признавала наличие идеологической борьбы и даже «программы» восстания (слабо проработанной и расплывчатой или чётко сформулированной уже к началу 1774 г. [8, 264]), то «минималистская» отказывалась признавать не только какое-либо «теоретическое оформление» требований крестьян, но и возможность возникновения программы [4, 40 – 41; 7, 21 – 23]. Одним из аргументов второй позиции следует считать активно признаваемый советскими историками тезис о преобладании негативной стороны крестьянского сознания над позитивной, т.е. крестьяне больше знали, чего не должно быть в идеальном общественном строе, чем то, что в нём должно быть [9, 484; 10, 58 – 59].

Наконец, самым главным вопросом дискуссии являлась проблема характера требований восставших – был ли он антифеодальным (направленным против крепостной зависимости и на изменение общественного строя) или антидворянским (против отдельных помещиков). При этом сами историки не давали чёткого понятия этим двум обозначениям характера крестьянских требований. Также путаницы добавляет то, что некоторые историки судили о характере требований по пугачёвским манифестам, а другие – по действиям крестьян во время восстания. В центре внимания историков оказались три подвопроса.

Требовали ли крестьяне изменения всего способа производства (т.е. уничтожения крепостной зависимости и передачи им помещичьей земли)? Говоря об общей цели крестьян, «максималистская» позиция указывала, что во все времена это была «земля и воля», т.е. освобождение от всех видов зависимости. Минималистская позиция указывала, что эта ленинская формулировка относится лишь к XIX в., во времена «пугачёвщины» главной целью крепостных крестьян было не освобождение, а переход в состояние государственных крестьян. «Максималистская» позиция под «вольностью» понимала полное освобождение крестьян от любых видов зависимости (причём, этим Пугачёв жаловал крестьян с самого начала восстания) [11, 132 – 133], а «минималистская» считала, что вплоть до 31 июля 1774 г. пугачёвцы жаловали крестьян не полным, а простым освобождением от государственных податей (при сохранении под властью помещиков) и переводом крестьян в состав «рабов короны», т.е. принадлежащих государству [12, 24 – 25, 27 – 28; 13, 66]. «Максималисты» оспаривали трактовку формулы «рабы короны» как перевод крестьян в государственные, поскольку в средневековые термин «раб» означал подданного монарху (дворянская элита именovala себя рабами).

Боролись ли восставшие против всего дворянского сословия или только против отдельных его представителей? Сторонники «максималистской» позиции признавали, что крестьяне боролись против всего дворянского сословия, ссылаясь на то, что крестьяне понимали: без уничтожения всего дворянства они не смогут освободиться от крепостной зависимости и завладеть землёй [8, 268; 12, 28]. «Минималистская» точка зрения указывала на то, что крестьяне боролись не против всего дворянства, а лишь против его отдельных представителей (наиболее жестоко обращавшихся с ними) [14, 106].

В вопросе о том, какой характер носил идеал нового общественного устройства для восставшего крестьянства, «максималистская» позиция указывала, что восставшие, «используя старые формы правления, насыщали

их совершенно новым содержанием, отвечавшим интересам народа». «Минималисты» подчёркивали, что крестьянский идеал строится из «феодалного материала» (преобладание «наивного монархизма» и пр.) и не может выйти за рамки феодалного строя. Поэтому, если «максималистская» позиция признавала борьбу восставших направленной против «самых основ феодалного строя и крепостнического государства» [8, 240], то «минималисты» считали, что «борьба крестьян велась в рамках феодализма за более благоприятные условия для воспроизводства крестьянского хозяйства» [14, 106].

В данной работе были сконструированы две последовательные концепции проблемы общественного сознания участников восстания под руководством Е. Пугачёва. Первая из них, сравнивая «пугачёвщину» с более ранними крестьянскими восстаниями, признавала наличие у восставших не только собственной идеологии, но и программы. Другая, исходящая из сравнения требований восставших с революционными требованиями следующего века, ставила на первый план «идеологическую отсталость» «пугачёвщины». Две реконструированные концепции показывают, что выводы о содержании и характере требований участников Пугачёвского движения делались историками не столько из источникового материала, сколько из тех задач, которые они ставили перед собой.

1. Андрущенко А.И. Крестьянская война 1773-1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. – М., 1969.
2. Буганов В.И. Об идеологии участников крестьянских войн в России // Вопросы истории. – 1974. – № 1.
3. Гутнова Е.В. Некоторые проблемы идеологии крестьянства эпохи средневековья // Вопросы истории. – 1966. – № 4.
4. Белявский М.Т. Некоторые итоги изучения идеологии участников Крестьянской войны 1773-1775 гг. в России // Вестник Московского университета. – 1978. – № 3.
5. Рахматуллин М.А. Проблема общественного сознания крестьянства в трудах В.И. Ленина // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. – М., 1970.
6. Белявский М.Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И. Пугачёва. – М., 1965.
7. Филиппов Р.В. О некоторых проблемах идеологии Крестьянской войны 1773-1775 гг. // Участие народов в крестьянской войне 1773-1775 гг. – Уфа, 1974.
8. Индова Е.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Лозунги и требования участников крестьянских войн в России XVII-XVIII вв. // Крестьянские войны в России XVII-XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., – 1974.
9. Милов Л.В. Классовая борьба крепостного крестьянства России в XVII-XVIII вв. (Некоторые проблемы теории) // Милов Л.В. По следам ушедших эпох: статьи и заметки. – М., 2006.
10. Проништейн А.П. Об идеологии восставших во время крестьянских войн в России XVII-XVIII вв. // Актуальные проблемы науки. – Ростов-на-Дону, 1967.
11. Овчинников Р.В. Манифесты и указы Е.И. Пугачёва. – М., 1980.
12. Литвак Б.Г. Об изучении документов предводителей крестьянских восстаний // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1971. – Вильнюс, 1974.
13. Мавродин В.В. Основные проблемы Крестьянской войны в России в 1773-1775 гг. // Вопросы истории. – 1964. – № 8.
14. Павленко Н.И. По поводу книги М.Т. Белявского «Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И. Пугачёва» // История СССР. – 1968. – № 3.

Д. Ю. Марцинішин

ПОШУКИ ОПТИМАЛЬНОГО ЕНЕРГОАКУМУЛЮЮЧОГО СУСПІЛЬНО-ПОЛІТИЧНОГО УСТРОЮ В НАУКОВО-ФІЛОСОФСЬКІЙ КОНЦЕПЦІЇ С. ПОДОЛИНСЬКОГО

Особливістю наукової-філософської спадщини Сергія Андрійовича Подолинського є те, що його роботи містять принципово нові інтерпретації найважливіших аспектів суспільно-економічних та енергетичних процесів людства, які актуалізуються саме сьогодні. Ще задовго до формування основ сучасної теорії сталого розвитку С. Подолинський поставив питання про необхідність узгодження діяльності людини із законами природи. Так, вчений вказував, що центральною проблемою поступу людства є соціально-енергетичний чинник, а прогрес цивілізації є тісно пов'язаним із загальною кількістю енергії, що нагромаджується на земній поверхні і є в розпорядженні людства.

Еволюція поглядів С. Подолинського чітко прослідковується у працях В. Вернадського [1], М. Руденка [2], П. Кузнецова, Б. Большакова, О. Кузнецова [3]. Вплив енергетичної концепції українського вченого XIX ст. на формування сучасних науково-практичних конструкцій глобального сталого розвитку досліджують Є. Борщук, В. Загорський [4], Л. Грановська [5], В. Лебедева, Д. Ковальчук [6]. Проте, досі фахівці оминають погляди вченого щодо оптимального енергоакуючого суспільно-політичного устрою, що позбавляє цілісності оригінальної концепції С. Подолинського.

У 1880 р. С. Подолинський публікує роботу «Праця людини і її відношення до розподілу енергії», яка вважається найбільшим досягненням вченого. Її варіанти протягом 1880 – 1883 рр. були надруковані у двох французьких, двох німецьких і одному італійському періодичних виданнях [7, 92]. Кожен варіант статті мав свої особливості. Наприклад, перша публікація цієї роботи Подолинського фіксується у російському журналі «Слово» [8, 200]. Вона складається з XII послідовних та пов'язаних між собою розділів. У французькому журналі «La revue Socialiste» ця стаття опублікована під назвою «Соціалізм і єдність фізичних сил» [9, 200] та представляла собою скорочений варіант російського видання. Проте тут роздуми Подолинського не закінчувалися висновками, а продовжувалися пошуками з природно-наукової точки зору такого способу виробництва, який би найбільш ефективно сприяв накопиченню енергії для задоволення всіх потреб людства.

За допомогою поєднання найновіших теорій (враховуючи хронологію життя мислителя) та результатів природничих досліджень, С. Подолинський першим у світовій науці сконструював масштабну систему енергетичної природно-економічної взаємодії, що відбувається у Всесвіті. Він описав розподіл енергії, дослідив циркуляцію енергетичних потоків в космічному просторі, в тому числі й на поверхні. Аналізуючи висунуту на перший план в термодинаміці проблему ентропії, вчений стверджував цілком протилежну другому закону тезу: «Кількість сонячної енергії, що перетворюється на земній поверхні на енергію більш перетворювану, безсумнівно, поступово збільшується» [10, 227]. Основним способом досягнення пакетування та простоту енергії, – стверджує дослідник, – є праця людини та свійських тварин. Він подає й конкретне визначення поняття: «Праця є таке споживання механічної і психічної роботи, нагромадженої в організмі, що має результатом